

Сергей Церинг

**Код
Человека**

18+

Сергей Церинг

Код Человека

«Автор»

2026

Церинг С.

Код Человека / С. Церинг — «Автор», 2026

Студент-фрилансер Максим привык жить «на черновик», перебиваясь случайными заработками. Обычный психологический тест в оборонном НИИ казался лишь очередным способом подработать, но стал точкой невозврата. Оказавшись в эпицентре многолетней тайной войны, Максим узнаёт, что за фасадом академической науки скрываются технологии контроля над сознанием и люди, жаждущие превратить человечество в послушное стадо. Пройдя через слежку, похищения и попытку убийства, вступив в противостояние с людьми, у которых есть деньги, власть и полная уверенность в безнаказанности, Максим совершает главный переход. В мире, где ненависть стала самым ходовым товаром, он впервые честно отвечает на вопросы: кто я и на чьей я стороне? Ведь по-настоящему большие войны начинаются и заканчиваются в маленьких комнатах, а право на «другой уровень» свободы с одной вольно открытой книги.

© Церинг С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Глава 2	9
Глава 3	12
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Код Человека

Глава

ОТ АВТОРА

Бывает просто удивительно, насколько точно классики предсказали наши дни. Листая старые страницы, запросто узнаём свой быт: гаджеты, робототехнику, беспилотный транспорт. Грёзы прошлого о технических чудесах стали нашей повседневностью.

Но может ли быть так, что сбылись и мрачные пророчества, замаскированные под удобства цивилизации? Что, если и мир Саракша уже не просто вымысел?

Мэтры указали на угрозу, но оставили нас один на один с вопросом: как быть, если «башни» уже работают на полную мощность?

Глава 1

«Я не буду читать модную книгу. Я не буду смотреть модный фильм. Я не все!!!» — три восклицательных знака, огонёчек, сжатый кулак. Максим листал ленту, пока трамвай не тронулся. Последнее сообщение в чате было от какого-то Стаса, которого он едва помнил по первому курсу.

Вот тупица, подумал Максим без особенной злости. Не то чтобы он был неправ в частности — может, книга и правда дрянь, и фильм так себе. Дело в другом. Если ты читаешь то, что модно — ты раб моды. Если ты демонстративно не читаешь то, что модно — то какая разница? Собственного мнения в этой схеме нет в обоих случаях. Интересно, Стас был бы счастлив, если б узнал, что думает сам? Но это сложно. Это значительно сложнее, чем написать три восклицательных знака и огонёчек.

Впрочем, не моё дело.

Так, куда ему. Максим переключился на карту. АО «Заслон», Приморский район, минут сорок на трамвае. Интересно, конечно, что у них там за психологическое тестирование, за которое они столько платят. Объявление было лаконичное до нельзя: добровольцы для научного исследования, компенсация — двенадцать тысяч, продолжительность — три часа. Ника хотела кофемашину...

Трамвай дёрнулся и покотил дальше.

Напротив сидели двое — мужчина лет сорока пяти в спортивной куртке и парень помоложе, внимательно на него смотревший. Мужчина говорил. Говорил уверенно, с напором, с видом человека, которому открылась истина и которому немного жаль, что она до сих пор открылась не всем.

— Да, ты пойми, — говорил он, — они специально так сделали. Это не слу-чай-но, понимаешь?! Это система. Я сегодня утром смотрел — там вообще всё конкретно разложили. Вот смотри...

Он достал телефон.

Максим отвернулся к окну. Утром смотрел — и уже знает, как устроена система. Уже готов объяснять. Уже совершенно уверен. Вот что значит телевизор с утра — человек выходит из дома вооружённый истиной, которой у него не было вчера вечером. И эта истина не вызывает у него ни малейшего сомнения именно потому, что она чужая. Своё-то всегда немного сомнительно. Чужое — монолитно.

За окном тянулся город — серый, привычный.

«Заслон» Максим нашёл сразу — здание было такое, что мимо не пройдёшь. Стекло, белые и коричневые блоки. Всё выглядело серьёзно и степенно, хотя, как это водится в современной архитектуре, за таким фасадом могло скрываться что угодно: от закрытого НИИ до колледжа или универсама со столовой.

У стыка корпусов, на фасаде, виднелся логотип: треугольник из трёх дугообразных элементов, внутри — шестерня с кольцом. Всё тёмно-красное, почти багровое. Под логотипом — «ЗАСЛОН», крупно, без украшений.

Максим постоял секунду, глядя на это. Что-то в эмблеме казалось одновременно технологическим и архаичным — как будто атом и шит скрестили, получив нечто третье, чему ещё нет имени. Непонятно было, от чего именно здесь защищают, но ощущение было — защищают всерьёз.

Охранник на входе сверился со списком: «Паспорт, пожалуйста. Так... Максим Камеров... Есть такой.» Записал в журнал. Кивнул. Открыл турникет.

Встречал его молодой человек в очках, представился Антоном, говорил быстро и деловито, пока они шли по коридору.

— Суть простая, — сказал Антон. — Мы исследуем резистентность к механизмам психологического воздействия. Внушаемость, если по-простому. Точнее — её противоположность. Слышали про эксперимент Соломона Аша в пятьдесят первом, или может видели фильм Валерии Мухиной «Я и другие»... там эпизод такой - «Обе белые»? Вот, что-то типа этого, только в новых реалиях. Будет несколько блоков — тексты, видео, аудио, интерактив. Ничего болезненного, ничего химического. Только информация и ваша реакция на неё.

— Зачем вам это? — спросил Максим.

Антон слегка пожал плечом, как будто удивился, что вопрос вообще возник.

— Вы следите за новостями? За тем, что происходит с информационным пространством последние лет десять?

— В общих чертах.

— Тогда понимаете. Двадцать лет назад задача номер один в оборонке — радиоэлектронная борьба. РЭБ. Заглушить сигнал противника, защитить свой. Сейчас атака выглядит иначе. Сейчас бьют прямо в голову — через экраны, через ленты, через правильно подобранный заголовок в правильный момент. И мы теперь тоже этим занимаемся. Точнее — защитой от этого. Потому что атака уже идёт. Давно идёт.

Он открыл дверь в небольшую комнату. Стол, кресло, монитор, бутылочка с водой.

— Располагайтесь, — сказал Антон. — Сейчас начнём.

Максим сел.

Двенадцать тысяч, кофемашина. Всё просто отлично. Подумал и положил телефон на стол экраном вниз

За окном шёл дождь. Где-то в коридоре негромко гудела вентиляция. Антон вышел, не закрыв дверь до конца.

Тест прошёл гладко — три часа промелькнули как один. Тексты, видео, несколько странноватых интерактивных сценариев где нужно было принимать решения. Максим отвечал честно, не пытался угадать правильный ответ — хотя, правильного, судя по всему, и не существовало. В конце Антон пожал ему руку, сказал, что результаты обработают в течение недели и что при желании Максима пригласят на следующий этап. Максим кивнул. Двенадцать тысяч легли на карту пока он ещё шёл по коридору.

Он открыл маркетплейс, нашёл ту самую кофемашину — с капучинатором, матовый чёрный корпус, тридцать две тысячи — и улыбнулся мыслям, как он наконец сделает обещан-

ный подарок. Они договорились встретиться в Александровском саду, и дождь, к счастью, уже закончился

Её он увидел сразу — стояла у фонтана, подняв воротник, смотрела в телефон. Уже поднял руку — но рядом с ней притормозил какой-то парень. Негромко сказал что-то, показал экран. Ника взглянула — и переключилась. Вот так, за секунду. Убрала свой телефон, повернулась к новому знакомому, заговорила — Максим не слышал о чём, но видел, как она улыбнулась, и улыбка была та самая, которую он считал своей...

Потом они пошли. Мимо него. К машине. Ника глянула мельком — узнала, остановилась на секунду.

— Макс. Слушай. — Она чуть поморщилась, как от неловкости. — Мне нужен другой уровень. Ну ты понимаешь. Не миллион в месяц, я не про миллион... Просто... другой.

Парень у машины обернулся. Посмотрел на Максима — без злобы, без интереса.

— Изи, лузер, — сказал он.

Сел в машину. Ника секунду помедлила — и села следом. Машина мигнула поворотником и растворилась в потоке.

Максим стоял.

Снова пошёл дождь. Фонтан ещё не работал. Где-то за спиной смеялись. Мимо прошла женщина с собакой, собака покосилась на него и пошла дальше.

Тридцать две тысячи, подумал он зачем-то.

Он достал телефон и написал Димке: еду.

Димка жил на Петроградской, в коммуналке с потолками три сорок и запахом чего-то неопределённого — не то сырости, не то трав, не то самого времени, которое здесь как будто остановилось где-то в районе восьмидесят четвёртого года и с тех пор никуда не торопилось. Дверь тот открыл сразу, как будто ждал — в растянутом свитере, босой, с кружкой в руке.

— О, — сказал Димка. — Заходи. Я как раз.

В комнате на низком столе стояла початая бутылка, лежали какие-то книги, с экрана ноутбука что-то бормотало. На подоконнике в ряд стояли горшки с тёмно-зелёными ростками — Димка утверждал, что это лекарственные растения, Максим никогда не уточнял какие именно.

Сели. Димка налил, не спрашивая.

— Ника, — сказал Максим. Не вопрос, не объяснение — просто слово.

— А, — сказал Димка.

Выпили.

— Какой-то парень. Показал телефон, она и пошла.

Димка кивнул с видом человека, которого это не удивляет совершенно.

— Приложение, скорее всего. Недавно на MatrixLeak [28] читал про такое. Сейчас Гляди — Он подтянул к себе ноутбук, сделал пару кликов и развернул экран к Максиму. Там была фотография — девушка в красной пилотке стюардессы, стоящая под душем с демонстративно возбуждённым лицом. Ниже шла статья под названием «Покажи ей фотку, намочи пилотку» Макс пробежал глазами. В статье утверждалось, что у некоторых служб есть приложения, способные вызвать возбуждение у женщины через особые картинки, что можно показать на обычном смартфоне.

— Да бред какой-то! Ты опять про заговоры свои сейчас? — спросил Максим.

— При чём тут заговоры? — Димка поморщился. — Я вообще всей этой темой с заговорами давно не увлекаюсь. Но это реальная инфа.

Он встал, прошёлся к окну, постоял.

— Это вообще не новая история, понимаешь. Древние греки уже понимали — если правильно построить речь, правильно выбрать момент, правильно сыграть на том, что человек хочет услышать, он пойдёт куда надо. Целые школы были. Ораторское искусство называлось. Риторика вся эта, с Аристотеля. Потом Геббельс это всё систематизировал, поставил на поток, добавил радио и кино — и получил психологию масс в промышленных масштабах. Повторение, упрощение, эмоция вместо аргумента. Ничего принципиально нового он не придумал, просто первым сделал это индустрией.

Максим слушал. Про Нику думать не хотелось, но не думать не получалось. Не могло уместиться в голове, что всю совместную историю, планы, можно вот так просто... Ведь есть же, в конце концов, душа или что там?..

— Потом появился интернет, — продолжал Димка. — И пошло в геометрической прогрессии. Сначала просто заголовки — правильное слово в правильном месте, человек кликает. Ну не НЛП, конечно, это называлось AIDA — да, смешно, в ад, но без Орфея...

Короче, классика, как автомат Калашникова: Attention — привлёк внимание, Interest — зацепил, Desire — захотелось, Action — сделал действие.

Потом таргет — ты искал велосипед, тебе показывают велосипед, потом показывают всё что с велосипедом связано, потом формируют у тебя образ себя как человека, который ездит на велосипеде, потом ты голосуешь за того, кто обещает велодорожки. Смешно, но примерно так и работает. Но ладно бы это только про хлам впарить. А на деле — сначала тебе показывают то, что ты хочешь, а потом ты хочешь то, что тебе показывают. Или относишься к чему-то как тебе объяснили... Нормальный человек, а радостно аплодирует бомбардировке Белграда, или Ирака... Общественное мнение — это просто очень большой таргет.

Он вернулся к столу, сел.

— Но это уже вчерашний день. Понимаешь? Заголовки, реклама, интерпретация событий — это всё грубо, это всё можно заметить если захотеть. А сейчас уже другое. — Он помолчал. — Правильная последовательность цветовых импульсов — и запускается нужный физиологический процесс. В одном из сабов на реддите [27] ещё пару лет назад писали. Хочешь — человек разозлится. Хочешь — испугается. Хочешь — потечёт. Не сто процентов, технология сырая ещё. Но вектор понятен.

— Переписать, — сказал Максим.

— Что?

— Ты сказал — скоро можно будет человека переписать.

Димка посмотрел на него.

— Я не говорил... Но, — сказал он. — Да. Наверное. Но что вообще считать человеком? Этой священной личностью? Где там великое ядро в этой куче из говна и палок, вернее рефлексов и вложенных мнений...

Помолчали.

— Налей, — сказал Максим.

За окном шёл дождь. Где-то внизу проехал трамвай.

Глава 2

Проснулся он от того, что в комнате двигались. Не громко — просто кто-то аккуратно и методично существовал в пространстве, которое Максим занимал горизонтально.

Димка стоял у окна на коврике — руки вверх, потом в сторону, потом медленно вниз, и вся эта конструкция из рук и ног складывалась во что-то, имеющее, очевидно, санскритское название. Это было привычно и каждый раз немного удивительно: человек, который вчера вечером выпил столько же сколько ты, сегодня утром уже стоит на одной ноге и не морщится. Максим несколько секунд понаблюдал, потом натянул на голову плед и попробовал не существовать ещё минут двадцать. Не вышло.

Когда он всё-таки сел, Димка уже сворачивал коврик и смотрел на него с видом человека, у которого к жизни нет никаких претензий.

— Сейчас перекусим, — сообщил он. — Предлагаю постояльцам нашего отеля фирменный сет завтрак – батон и пуэр. Димка засмеялся и щёлкнул кнопкой чайника.

Максим потянулся за телефоном.

Привычка была нехорошая и он это знал: первым делом с утра, раньше воды, раньше окна, раньше хотя бы одной осмысленной мысли — телефон. Хотя сегодня он надеялся на весточку от Ники...

От Ники не было.

Зато было письмо от какого-то *headhunterintro* — пришло в четыре ночи, в папку, которую он давно не открывал. Он бы и сейчас смахнул, но заголовок был странный: Персональное предложение. Проект Back to Eden. Участие по приглашению.

Максим покрутил телефон в руках. Вспомнил, резюме он оставлял — полгода назад, когда они с Никой всерьёз говорили об отдельной квартире и казалось, что дело только в деньгах и в том, чтобы найти правильную работу. Потом как-то само собой забылось. Он тогда же и по той же причине ушёл в академический...

Открыл письмо.

Текст был короткий и почти ничего не объяснял. Международный исследовательский проект, команда специалистов, конкретика — при личной встрече. Зато условия были выписаны подробно и с удовольствием: перелёт за их счёт, жильё за их счёт, и сверху — сумма, которую Максим некоторое время просто рассматривал. Не потому, что не поверил. А потому что поверил сразу, и это само по себе было немного странно.

— Дим, — позвал он.

Димка вышел из кухни с двумя кружками.

— Что такое «Бэк ту Эден»?

— Назад в рай, — сказал Димка. — Буквально. А контекст?

— Не знаю. Написали, что проект так называется. Предлагают участвовать.

— Кто предлагает?

— Непонятно. Хэдхантеры какие-то.

Димка поставил кружки, взял телефон, прочёл. Отдал телефон обратно. Взял кружку.

— Капфенберг, — сказал он.

— Ну да.

— Австрия.

— Я понимаю.

— И ты думаешь поехать.

Это был не вопрос. Максим посмотрел в окно — двор, мокрые ветки, серое утро, вполне конкретное и никуда не торопящееся.

— Шенген с зимы есть, когда тогда в Финляндию на рождество решили смотаться, — сказал он. — Академический у меня полгода уже. Здесь меня сейчас... — он не договорил. Не нужно было.

Димка кивнул с видом человека, у которого к жизни нет никаких претензий и к этому решению тоже.

В трамвае Максим открыл анкету по ссылке из письма. Вопросы были короткие — образование, опыт, пара психологических блоков, примерно, как вчера в «Заслоне», только быстрее и без воды. Он заполнял на ходу, трамвай покачивался, напротив спал мужчина с пакетом на коленях. Через три минуты после того, как нажал «отправить», пришло письмо: ждём вас. Когда вам удобно приехать?

Максим посмотрел на это «ждём вас» — без подписи, без имени, просто «ждём», как будто там уже давно сидят и знают, что он едет — и написал: буду завтра.

Ответ пришёл раньше, чем трамвай доехал до следующей остановки: Отлично. Подробности как добраться вышлем на почту.

Он нашёл рейс — вечерний, Пулково — Грац, с пересадкой в Вене. Хорошо, что не успел купить кофемашину. Тридцать две тысячи остались на карте нетронутыми...

На Восстания он заскочил на двадцать минут. Комната встретила его запахом чужого жилья — он снимал её уже больше года, но так и не сложилось ощущение, что это его. Ноутбук, зарядка, зубная щётка, загранпаспорт в ящичке стола под какими-то распечатками — всё нашлось быстро. Переоделся. Окинул взглядом комнату: ничего важного не забыл, ничего важного здесь вообще не было.

Через два часа он уже подъезжал к Пулково.

За окном такси тянулись пригороды — серые, плоские, привычные. Максим смотрел в стекло и думал о том, что вот так это и происходит: вчера вечером ещё было всё понятно, где ты, кто ты и что у тебя есть, а сегодня утром сидишь в такси с рюкзаком и едешь в аэропорт по приглашению людей, которых не знаешь, в город, в котором никогда не был, на проект под названием «Назад в рай». При этом никакой особенной тревоги не было. Было что-то другое — лёгкое, почти неприличное в своей лёгкости. Как будто что-то наконец отпустило.

Или — поправил он себя — как будто ты просто рад любому поводу уехать.

Что, в общем-то, одно и то же.

Грац встретил его в половине одиннадцатого вечера. Аэропорт был маленький и деловой, автобус до центра шёл двадцать минут. Максим смотрел в тёмное окно и видел только огни и силуэт горы над городом — потом узнал, что это Шлоссберг, что на вершине башня, что туда ходит фуникулёр. Но это потом. Сейчас он просто ехал и старался не думать.

Хостел нашёлся в двух минутах от главной площади, в доме, которому было лет триста не меньше — узкий фасад, каменная арка, деревянная дверь с латунной ручкой. Внутри оказалось неожиданно хорошо: низкие своды, балки на потолке, каменная лестница, отполированная до блеска поколениями подошв, и при этом — чистые белые стены, новая сантехника, wifi без пароля. Старое здание, которое давно перестало удивляться жильцам и просто делало своё дело. Максим разделся, лёг и уснул сразу, что случилось с ним редко.

Утром выяснилось, что электричка до Капфенберга называется S-Bahn, ходит по расписанию, и расписание это соблюдает — он убедился лично, встав у края платформы с кофе в бумажном стакане ровно за две минуты до отправления. Поезд подошёл бесшумно. Не почти - бесшумно — просто подошёл и всё, без объявления о себе, без скрежета, без той характерной железнодорожной интонации, которую Максим знал с детства и которая всегда означала: что-

то большое и тяжёлое согласилось вас перевезти, но на своих условиях. Здесь условий не было. Был чистый вагон, мягкое сиденье у окна и кофе, который неожиданно оказался хорошим.

За окном пошли поля — такие зелёные, что казались ненастоящими. Не просто трава, а что-то почти неприличное в своей яркости, как будто кто-то выкрутил насыщенность до упора и забыл вернуть. Апрель здесь явно понимали всерьёз. Потом начали расти горы — сначала ненавязчиво, потом резко махнули вверх, с обеих сторон разом, покрытые тёмным лесом, плотным и без просветов. И над лесом, над самыми вершинами — снег. Белый, слепящий, совершенно летний по яркости. Максим смотрел на это: внизу цветущие яблони вдоль дороги, розовые и белые, а прямо над ними — лёд. Долина сужалась. Река — Мур, он видел её название на карте — шла рядом с дорогой, мутная и быстрая, с альпийским снегом в воде, и, казалось, было слышно даже сквозь стекло, как она шумит. Хотя, конечно, за шум реки ум принимал звук кондиционера, что был единственным в вагоне.

Во Фронлайтене поезд прижался к скалам вплотную, и Максим увидел в окне то, чего никак не ожидал: домики с цветами на балконах — красные, жёлтые, оранжевые, — отражающиеся в реке прямо под обрывом, и на вершине утёса над ними — замок. Старый, обветренный, совершенно настоящий. Он стоял там с таким видом, будто не видит ни реки, ни домиков, ни поезда, и вообще ничего из того, что случилось за последние лет четыреста, не считает достаточным поводом для интереса.

Потом был туннель, потом мост, потом снова туннель. Максим допил кофе.

Он попытался подумать о том, куда едет и зачем: Back to Eden, жирные условия, никакой конкретики, «ждём вас». Любой здравомыслящий человек сказал бы, что это или лохотрон, или что-то хуже лохотрона. Максим был, в общем, здравомыслящим человеком. Но здравомыслием была и вся их история с Никой. А раз всё может закончиться так как закончилось у них, то может здравомыслие не лучшая опора и ориентир. И хоть здесь, в этом вагоне, между туннелями и горами, здравомыслие выглядело как обещание и гарантия светлого будущего. Но воспринимались как советы пожилого родственника. А хотелось... В омут с головой... Послать всё к чертям и... И обратно в свой светлый рай...

Ника, кстати, не написала. Он проверил. Для порядка.

Капфенберг.

Вокзал оказался маленький и очень серьёзный — бетон, сталь, стекло, электронные табло с секундами. Такой вокзал не суетится и не украшается. Он просто выполняет функцию и делает это настолько безупречно, что само по себе уже немного давит на психику.

Максим поднял голову — и опять увидел замок. Другой, но...

Тот стоял прямо над городом, на горе, тёмный и очень чёткий на фоне утреннего неба. Смотрел вниз. На платформу. На него.

Максим подумал, что в этом городе, видимо, так всегда — куда ни выйди, замок уже смотрит. Должно быть, привыкаешь.

Откуда-то со стороны шёл низкий гул — ровный, вибрирующий, почти на грани слышимости. Негромкий, но настойчивый, как мысль, от которой никак не отделаться. Он исходил отовсюду и ниоткуда сразу, и только когда Максим вышел с платформы и увидел вдалеке огромный завод — трубы, корпуса, линии коммуникаций, всё это хозяйство, — стало понятно откуда.

Адрес был в пятнадцати минутах пешком. Он пошёл.

Глава 3

Площадь была небольшая, мощёная, с фонтаном посередине — фонтан, как и в Питере ещё не запустили, чаша была сухая и в ней лежало несколько прошлогодних листьев. На террасе кафе сидели двое с кофе, без курток, шурились на солнце. Над крышами — замок. Всё как полагается.

Максим пересёк площадь наискосок, сверился с картой на телефоне, повернул направо.

Сзади что-то произошло — не взрыв, не удар в привычном смысле, а какой-то неправильный звук, составной: сначала резкий свист шин по брусчатке, потом короткий жёсткий удар, звон, потом, на мгновение, тишина, которая бывает только когда что-то уже случилось такое, что переделать нельзя, потом раздались крики и людской гомон.

Максим обернулся.

Маленький красный хэтчбек стоял посреди площади — смятый с водительской стороны, с разбитым стеклом. Белую «Теслу» удар крутанул и бросил к бордюру, она стояла теперь поперёк дороги, с вмятиной по всему боку, с тихо гудящим мотором. Было непонятно откуда взялась такая скорость — красный хэтчбек словно сорвался с места у обочины и пошёл прямо, без торможения.

Он подождал.

Из «Теслы» некому было выходить — она ехала сама. Из красного хэтчбека тоже никто не вышел. И это было уже другое.

Со стороны кафе уже бежали — двое мужчин, официантка, на ходу доставая телефоны. Потом ещё люди, непонятно откуда взявшиеся, — площадь секунду назад была почти пустая. Первый добежал до красной машины, дёрнул дверь, отступил. Больше ничего не делал. Просто стоял и смотрел.

Женщина за рулём была мертва — Максим понял это отсюда, по тому, как стоял тот человек у машины.

Телефоны поднялись почти одновременно. Снимали все и сразу, с разных точек, обходя машину по дуге — аккуратно, не приближаясь, как будто соблюдали какую-то негласную дистанцию. Где-то за домами уже выла сирена.

Максим посмотрел на карту. До адреса оставалось семь минут.

Он повернулся и пошёл дальше.

Это было, конечно, не по-человечески — пройти мимо и не остаться. Хотя что он мог сделать, что мог изменить — непонятно. Полиция уже ехала. Зевак хватало. Телефоны всё сняли. Он бы только добавил ещё один бесполезный силуэт в кадр.

Всё равно было неприятно.

Полицейская машина проехала мимо него, быстро, с мигалкой, но уже без sireны — деловито. За ней вторая. Максим не оглядывался.

Здание нашлось без труда — четырёхэтажное, из светлого камня, за кованой оградой. Никакой вывески. Только номер на воротах и небольшая камера над ними, направленная так, что остаться незамеченным было нельзя. Максим позвонил. Ворота открылись сразу.

Вошёл в здание. Внутри остановился.

Холл был большой и очень тихий. Мраморный пол, высокие панели из тёмного дерева, в нишах — живые цветы, по одному, в узких белых вазах. Никакой пышности, никакой золотой лепнины — просто всё было сделано из дорогих материалов с таким спокойным безразличием

к цене, что это само по себе производило впечатление. Много сильнее показного богатства. На стене напротив входа — большая картина в раме: горный пейзаж, долина, снег на вершинах. И никаких логотипов, никаких названий.

Навстречу вышел человек.

Лет пятидесяти пяти, хорошо сложенный, в светло-сером костюме без галстука. Лицо ухоженное, открытое, с той особой приветливостью, которая отрабатывается годами и перестаёт быть притворством — просто становится частью человека, как форма носа. Он протянул руку.

— Клаус Вебер, — представился он, и дальше по-русски, с очень сильным акцентом. — Очень рад, что добрались. Вы ведь через площадь шли.

— Да, — сказал Максим. — Там авария.

Вебер кивнул — сочувственно, но без удивления.

— Видел на камерах. Ужасно. — Он сделал паузу ровно нужной длины. — Пойдёмте, я покажу вам всё. Кофе будете?

Кабинет был на втором этаже, в конце короткого коридора. Большой, спокойный, с окном в сад — за стеклом цвела то ли вишня, то ли черешня — Максим так и не научился отличать их, до появления ягод. И даже до созревания... Иногда лёгкий ветерок срывал небольшое облачко цветочных лепестков и относил в сторону.

Мебель была тёмная, тяжёлая — стол, два кресла, диван вдоль стены, всё кожа и дерево, и всё это явно делалось под заказ, под этот кабинет, под этого человека.

На отдельном столике у стены стояла кофемашина.

Максим увидел её сразу и несколько секунд смотрел. Когда он листал каталоги в феврале — когда ещё, казалось, что правильный подарок что-то решит, — такая машина там была. Взгляд остановился на ней дольше обычного — не из-за цены, просто дизайн был такой, что запоминался. Van der Westen Speedster. Два миллиона на русские деньги. Он тогда усмехнулся и перелистнул дальше.

Вебер уже стоял у столика, спиной к нему. Сказал что-то по-немецки — коротко, вопросительно.

— Simple, no sugar, 1¹[1] — сказал Максим.

Вебер кивнул и, не оборачиваясь, произнёс несколько слов — уже по-английски, медленно, с лёгкой улыбкой в голосе: что-то про то, что языки — это хорошо, но не стоит тратить силы там, где это необязательно. Потом обернулся и протянул небольшой футляр.

Внутри лежали два наушника — крошечные капельки.

— Вставьте, пожалуйста. Вам будет удобно. Я знаю, что вы хорошо говорите по-английски, но не хотелось бы упустить детали на двойном переводе.

Максим взял. Наушники сели плотно, и почти не ощущались. Вебер заговорил — негромко, ровно, по-немецки — и в ухе сразу возник голос, чуть отстающий от его губ, спокойный и безликий, как субтитры вслух.

— Изумительная вещь, не правда ли, задержка перевода в доли секунды — произнёс переводчик голосом Вебера. — Тысячи лет сложностей и кровавого непонимания. С того эпизода в Вавилоне, когда старый маразматик перепугался и перепутал языки. — смеётся — Но чело-

¹ Простой, без сахара (англ)

век всё-таки стал ему равен и способен нивелировать придуманные стариком пакости. Потому и пришло время вернуться и домой, откуда нас так несправедливо изгнали.

— Он поставил чашку перед Максимом. — Я каждый раз думаю об этом. Сколько всего человечество решило просто потому, что захотело решить.

Максим посмотрел на кофемашину. Потом на чашку.

— Да, — сказал он. — Много всего решило.

Вебер сел напротив, слегка откинувшись, со своей чашкой в руке. Помолчал секунду.

— Давайте не будем ходить вокруг да около, — сказал он. — Начистоту. Хотя... — он улыбнулся, — помните этот мем? «Я расскажу всю правду, но, если вы не согласитесь, мне придётся вас убить». — Смех был лёгкий, беззаботный. — Но как говорят, кажется, у вас в России: в каждой шутке лишь доля шутки?

Максим взял чашку. Кофе был хороший.

— Скажите, — продолжал Вебер, — вам нравится состояние современного мира?

— В целом?

— В целом.

— Нет, — сказал Максим.

— Вот и мне нет. — Вебер поставил чашку. — Вы умный человек, вы видите это. Сейчас мир в таком состоянии, что... Мир не просто в кризисе — мир движется к точке, из которой нет возврата. И это не метафора.

Он поднялся, не торопясь, прошёл к окну.

— Начнём с простого. Нас много. Каждый следующий человек хочет жить лучше, чем жили его родители. Это нормально, это называется прогресс. Но чтобы просто поддерживать текущий уровень жизни при растущем населении — экономика обязана расти. Всегда. Без остановки. Потому что, если рост останавливается — начинается не стагнация. Начинается голод. Хаос. Вы понимаете механику?

— В общих чертах.

— Хорошо. Так вот: экономика должна расти, но планета не растёт. Ресурсы — энергия, почва, металлы, вода — конечны. Мы движемся по экспоненте вверх, а потолок не двигается. — Он развернулся. — Дальше. Вы знаете, на чём держится современная экономика? На том, что вещи должны ломаться. Не могут, не случайно — должны. Это заложено при производстве. Иначе заводы встанут, люди потеряют работу, система рухнет. Мы научились превращать ценное сырьё в мусор с такой скоростью, что природа не успевает переварить. Мы буквально производим яд и называем это ростом.

За окном пролетел лепесток. Максим смотрел на Вебера.

— И третьё. Медицина за последние сто лет сделала невозможное — она продлила жизнь. Это прекрасно. Но посмотрите на структуру населения: огромный пласт людей, которые не работают, требуют колоссальных ресурсов — медицина, пенсии, уход, — и всё это должна тащить на себе всё уменьшающаяся прослойка молодых. Пирамида перевернулась. Это не просто демографический дисбаланс — это тромб. Система медленно умирает от него.

Он вернулся к креслу, сел.

— Римский клуб описал это в семьдесят втором году. «Пределы роста». Тогда не послушали. Сейчас мы у той самой точки, которую они описывали — когда затраты на добычу ресурсов и содержание системы превышают то, что система производит. После этой точки — коллапс. И история знает только один проверенный способ сбросить такое давление.

— Война? — сказал Максим.

— Война, глобальная — согласился Вебер. — Только в этот раз — с ядерным оружием у десяти сторон конфликта. Победителей не будет. Просто не будет. И от планеты не останется ничего.

Он взял чашку. Отпил.

- И никто не видит выхода, лишь всё сильнее подгоняя нас к пропасти бездумными реформами. Но небольшая группа людей – неизвестные отцы, как их называют в нашем кругу, нашла действительно и действенное и, пожалуй, единственное решение.

— Это люди, которые думают об этом давно. Не политики — политики думают до следующих выборов. Не корпорации... Я говорю о семьях, которые думают поколениями. Моргань, Ротшильды, Рокфеллеры, Дюпоны. Ещё порядка двадцати фамилий. Те, у кого в руках реальные рычаги — не троны, не парламенты, это декорации, — а деньги и инфраструктура. Реально правящие. — Он чуть наклонил голову. — Они и создали проект «Back to Eden».

— Неизвестные отцы, — сказал Максим — где-то я это слышал... И что же, они придумали что-то, чтобы всем нам попасть в рай?

Вебер усмехнулся — не обидно, скорее снисходительно, как усмеваются хорошему вопросу от способного ребёнка.

— Всем? — сказал он. — Нет. Не всем. Всем не нужно, господин Камеров.

Он встал и снова прошёл к окну.

— Максим, гуманизм совершил одну фатальную ошибку. Объявил жизнь священной по факту наличия. Любую. Это красивая идея — я понимаю откуда она взялась. Но это ошибка кода. Ценность имеет только то, что наполнено содержанием: творчеством, созиданием, хотя бы искренней радостью от самого существования. Пустая оболочка, которая только потребляет и ненавидит — это не человек в полном смысле. Это затянувшийся некроз. Хирург, который отсекает гангрену, не совершает убийства. Он спасает организм.

Он говорил ровно, без нажима. Как о погоде.

— Взгляните на них. В глазах — ни тяги к небу, ни понимания красоты, ни даже простого животного счастья. Только тупая серая злоба на всё, что выше их горизонта. Мы тратим на это кислород, пространство, время. Зачем лить масло в лампу, что не даёт света, но только копоть? Оставляя ресурс тем, кто не умеет им пользоваться, мы обкрадываем тех, кто мог бы создать шедевр. Это расточительство.

Посмотрите на них, Максим. Шопенгауэр был прав: их существование — это дурная комедия. Бессмысленная суета между нуждой и скукой. Мы не лишаем их жизни, мы прекращаем этот затянувшийся фарс. Мы — рука, которая опускает занавес над театром уродов».

— И ещё, — сказал он тише, почти доверительно, — есть аргумент, о котором не принято говорить вслух. Что жестоко на самом деле — прекратить бессмысленное прозябание, или заставлять человека тянуть эту ляжку ещё сорок лет? Они мучаются от собственной пустоты. Каждый день. Просто не умеют этого сформулировать.

Представьте себе кораблекрушение — Десять человек и шлюпка на троих.

И вопрос не в том, жестоко это или нет. Вопрос в том — что гуманнее: утонуть всем десятерым, или троим выжить? Природа тысячелетиями решала это сама. Цивилизация из лучших побуждений отменила естественный отбор. Теперь в шлюпке двадцать человек, она уже черпает воду, и никто не смеет сказать вслух то, что все понимают.

Он вернулся к креслу. Сел.

— Отцы основатели смеют. И у них есть решение. Не война — война — это конец для всех, мы уже говорили. Решение, при котором шлюпка остаётся на плаву. При котором ресурс наконец начнёт восстанавливаться. При котором у тех, кто способен создавать — будет для этого всё необходимое. Надолго. Может быть, навсегда.

— И как же выглядит рай по мнению ваших отцов? — сказал Максим.

Вебер не услышал ни шока, ни сарказма. Или услышал — и принял за живой интерес. Он слегка подался вперёд.

— Именно рай. Именно это слово. Я рад, что вы его употребили.

Максим смотрел на него. Он слышал или читал про эту логику раньше. Где-то в учебнике истории. Или в документальном фильме про Нюрнбергский процесс...

Но возражения — настоящего, с аргументами — почему-то не находилось. И это само по себе было неприятно.

— Слушаю, — сказал он.

— Современные технологии достигли точки, которую не могли представить даже тридцать лет назад, — сказал Вебер. — Для поддержания всей инфраструктуры цивилизации — энергетика, медицина, производство, логистика — достаточно пятисот миллионов человек. Это не произвольная цифра, это расчёт. Пятьсот миллионов — и система работает. Работает чисто, эффективно, без перегрузки ресурса.

— Остальные? — сказал Максим.

— Уходят, — сказал Вебер просто. — Не в муках. Просто уходят.

Помолчали.

— Но вот эти пятьсот миллионов, — продолжал он, — живут иначе. У них нет тревоги, нет неудовлетворённых желаний, нет этой бесконечной гонки за тем, что им показали в рекламе и велели хотеть. ИИ выстраивает их день: сбалансированное питание, физическая активность, отдых, в нужное время — воспроизводство. Никаких войн, никакой преступности, никакого насилия. Организм функционирует, жизнь продолжается.

— Это называется скот, — сказал Максим.

Вебер не обиделся.

— Это называется порядок, — сказал он мягко. — Максим, подумайте вот о чём. Сейчас они тоже хотят то, что им велят хотеть. Только велят им плохо — велят хотеть новый телефон, новую машину, третий кредит. Для того чтобы включить их в этот бесконечный круговорот: добыть ресурс, переработать в товар, выбросить, добыть снова. Перевести добро в мусор с максимальной скоростью. Вот что такое их свобода сейчас. — Он развёл руками. — Мы просто уберём из уравнения ложь. Покормим нормально. Дадим нормально двигаться. Не будем мучить их выбором, которого они всё равно не умеют делать.

За окном пролетел лепесток. Потом ещё один.

— Но, — сказал Вебер, и в голосе появилась другая интонация, — есть и проблема. Две, если быть точным.

Он встал, прошёлся.

— Первая. Управляемый человек не создаёт ничего нового. Вообще ничего. Как эта масса не создаёт ничего сейчас, так, разумеется, тем более, не сможет создавать ничего и в новой системе. Да, лучшие смогут воспроизводить — хорошо, стабильно, надёжно. Но только то, что уже есть. Подобное. Знакомое. ИИ — то же самое, только быстрее. Он оптимизирует, систематизирует, обрабатывает — блестяще. Но придумать принципиально новое не может. Это не недостаток конкретной модели — это природа систем. Любых. Новое рождается только там, где есть живой ум, который не знает, что чего-то не бывает. Способный к абстракциям. К экспериментам, поиску. К попыткам соединять то, что казалось ранее несоединимым. Это и есть творчество. Развитие.

Он остановился у окна.

— Отцы думают поколениями, я уже говорил. А значит — думают и о том, что будет через пятьсот лет. И они способны мечтать: квантовые технологии, телепорты, машина времени, вечная молодость, межзвёздные перелёты... И, кстати возникающую из последней идеи - если туда можно лететь — значит, оттуда тоже может что-то прилететь. Значит нужна оборона. Космическая... Ну и, исходя из всего сказанного, значит нужна наука. Настоящая, живая, непредсказуемая наука — а не воспроизводство учебников.

— И вторая проблема, — продолжал он. — Более срочная. Любая система без живого контроля накапливает ошибки. Тихо, незаметно, годами. Маленький сбой здесь, маленький сбой там — и через сто лет это уже не сбой, это норма. А потом норма перестаёт работать, и никто не понимает почему, потому что некому понять. ИИ не видит собственных ошибок — он работает в рамках своей логики, а логика давно съехала. Это не фантастика — это происходит с любой системой, которую перестают трогать живые руки. Только здесь ставки другие.

Он вернулся к креслу. Сел.

— Поэтому нужны те, кто стоит вне системы. Те, кто думает свободно, создаёт, контролирует, корректирует. Жрецы, если угодно. Или просто — люди, которые остались людьми в полном смысле слова. Их немного. Их нужно очень мало. Но без них — через двести, триста лет — коллапс. Красивый, чистый, совершенно бессмысленный коллапс.

Он посмотрел на Максима.

— Вот поэтому вы здесь.

Он посмотрел на Максима.

— Небольшая каста. Люди, которые генетически невосприимчивы к механизмам управления — к частотам, к таргету, ко всему инструментарию, который работает на остальных. Таких мало. Статистически — около одного процента. Их отбирают. Им дают всё.

Он помолчал — намеренно, давая слову осесть.

— Всё, Максим. Любое знание. Любой ресурс. Никаких войн вокруг, никакой преступности, никакой грызни за место под солнцем. Только работа, если хочешь работать. Только творчество, если хочешь творить. Только жизнь — полная, настоящая, без этого бесконечного скрипа системы, которая рушится у тебя под ногами. И те, кто реально правит миром — они там, далеко, они занимаются своим. В твои дела не лезут.

Он откинулся в кресле. Лицо у него было открытое, спокойное. Человек, который только что показал собеседнику прекрасный вид и искренне не понимает, почему тот не восхищается.

— Разве это не то, о чём мечтал каждый мыслящий человек во все времена? — сказал он. — Разве не за этим Леонардо просил у Медичи мастерскую, а не трон?

— Но всё это будущее, — сказал Вебер, — пусть и недалёкое. А мы предлагаем вам настоящее. Прямо сейчас. Можете начать работать хоть сегодня — здесь, в Капфенберге. Через некоторое время, если захотите — один из частных островов. Любой каприз. Гражданство. Пятьдесят тысяч евро в месяц.

Максим смотрел на него.

— От чего вы ещё не запустили ваше возвращение в рай? — спросил он.

— Хороший вопрос. — Вебер кивнул с удовольствием. — Но не совсем верная формулировка. Проект запущен. И очень давно. Десятилетия назад. Но не хватало технологий. Были попытки сокращения через локальные конфликты, эпидемии. Последний был очень удачный этап проекта с поголовной мировой вакцинацией... Там много удалось сделать. Поймите, господин Камеров, это же не волшебная кнопка — что, как гаражные ворота, отворит врата в чертоги небесные. И вот только в этом году у нас появилось последнее звено — технология прямой перезаписи нейронных структур через световые и звуковые последовательности. Не просто временного воздействия, а перезаписи. Ну и разработка прошлого поколения очень хороша, хотя тоже ещё на стадии оттачивания.

Он чуть улыбнулся.

— Кстати. Не хотите поучаствовать в бета-тестировании? Приложение называется WAP-App. — он открыл на своём ноутбуке папку с презентацией и пролистал её.

— Что это?

— Аббревиатура от Wet Ass Pussy, — сказал Вебер совершенно спокойно — Разработано для воздействия на девиц с означенной целью. — Он засмеялся — легко, без пошлости, как человек, которому и правда смешно. Как учёный на пороге решения интересной задачи —

Наши специалисты, конечно, наворотили вокруг него кучу настроек: Yield Rate - «Коэффициент отдачи» — как быстро цель поплыла. Secretary Response - «Секреторный отклик» — это уже совсем медицинским языком. И Lube-lock — состояние, когда воздействие достигло максимума и цель, скажем так, готова к сотрудничеству. — Он развёл руками с видом человека, которому эта педантичность немного смешна. — Ну, побалуетесь. Это действительно хороший продукт, в отличие от подделок на рынке...

Максим не улыбался.

— И почему вдруг такое внимание ко мне? — спросил он. — Я прошёл тест только вчера. А вечером уже получил приглашение.

— Милый мой господин Камеров, — сказал Вебер с лёгкой теплотой, — вы прямо как из прошлого века, ей-богу. Наш Бонди работает быстро.

— Кто такой Бонди?

— Полное имя — Bondslave of the Gods. — Вебер произнёс это без тени иронии. — Мощнейшая система ИИ. Прочёсывает все исследования в этой области по всему миру — в реальном времени, без остановки. «Заслон» публикует данные в закрытой научной базе, но Бонди читает их раньше, чем лаборанты успевают выпить кофе после занесения данных в эксель. — Он помолчал. — Имя ему придумали те же ребята, что придумывали названия для операций: Раскаты грома, Обдуманная сила, Копье Нептуна, Щит пустыни...

Переводчик в ухе Максима на долю секунды споткнулся. Вебер произнёс немецкое «Schild» так отрывисто, что автоматика, судя по микропаузе, на мгновение усомнилась в трактовке. Алгоритм явно немного завис в попытке распознать язык и понять, оставить ли к выдаче уже заготовленный русский «щит» или, доверившись фонетике, перевести услышанное как английское «shit»²[2]- Так вот, Бонди, — продолжал Вебер, — прочёл ваши результаты вчера вечером. И тут же вас нашёл. Это не секретные данные, кстати. Совсем.

Он развернул к Максиму экран ноутбука.

— Камеров Максим Андреевич, — начал читать Вебер, без интонации, как читают вслух список покупок. — Двадцать два года... Санкт-Петербург... Улица Восстания... номер телефона... академический отпуск с блаблабла... встречался с... тадата... последняя — Орешникова Ника... — пауза, — до вчерашнего дня. Заказы на маркетплейсах... — он слегка усмехнулся, — кофемашина не куплена... И вот это трогательно — чек от зубного, февраль, пломба на шестёрке.

Он закрыл ноутбук.

— Это всё есть в сети, — сказал он мягко. — Открытые данные. Бонди просто умеет их читать быстрее людей.

Максим смотрел на экран.

Его вели. Объявление на хэдхантере, анкета которая пришла сама собой, три минуты на ответ, билет, который словно уже ждал. И Ника — он вдруг подумал об этом совершенно отдельно, как мысль, которую лучше бы не думать, — Ника с тем парнем у фонтана, с телефоном, который ей показали. И она пошла. Вот так, за секунду.

Он ничего не сказал.

Вебер закрыл ноутбук.

— Итак. Ваше тестирование вчера показало резистентность, которой в нашей базе нет ни у кого за последние три года. Таких как вы среди людей ноль целых одна десятая процента, Максим. Поздравляю — это ваш билет в дивный новый мир.

— Именно поэтому пятьдесят тысяч? — спросил Максим.

— Именно поэтому. — Вебер чуть наклонил голову. — Понимаете, такая резистентность, по всей видимости, не случайна. Если это передаётся по наследству — а наши нейрофизиологи

² Shit – дерьмо (англ.) Тогда операция в Ираке получила бы название – Дерьмо в пустыне.

полагают, что да, — то вы не просто редкий человек. Вы редкий код. Который нужно изучить, понять как устроен, и — при возможности — сохранить. — Пауза. — Отсюда и программа донорства, если вы понимаете, о чём я.

Максим понял. Он был нужен не как человек. Как набор качеств, который интересно разобрать. Как экземпляр с неизвестным механизмом внутри — ценный именно пока механизм не описан, пока не воспроизведён в нужном количестве копий.

Вебер, судя по всему, не видел в этом ничего обидного.

— Здесь шикарный дом с видом на горы, — продолжал он. — Пятьдесят тысяч в месяц. В обязанности входит только одно: посещать исследования наших нейрофизиологов и участвовать в программе донорства. — Он сделал паузу и усмехнулся. — Ах, если бы нам за все наши мальчишеские шалости платили столько с начала пубертата — мы бы давно были миллионерами.

Он смеялся легко. Человек, что уверен - дело в шляпе. Который сам бы подписал не раздумывая.

Максим молчал.

Пятьдесят тысяч евро. Остров. Любое знание, любой ресурс. Никаких войн и никакой грызни. Твори, живи, наслаждайся. Всё это было правдой — он чувствовал, что Вебер не лжёт ни в одном слове. Именно поэтому было так тошно.

Подопытная крыса. Беговой таракан. Просто таракан с хорошим питанием и видом на горы.

— Контракт можем подписать прямо сейчас, — сказал Вебер. — И мой секретарь проводит вас в вашу квартиру.

— И ещё, должен заметить, — сказал Вебер, — вы нам уже должны. Мы сегодня спасли вам жизнь.

Он снова открыл ноутбук, нашёл нужный файл, развернул экран. Видео было с уличной камеры — угол сверху, площадь, брусчатка, фонтан с сухой чашей. Максим узнал себя сразу — по рюкзаку, по походке. Идёт наискосок, смотрит в телефон. И из-за угла, набирая скорость — белая «Тесла». Беззвучно, стремительно, прямо в спину.

Тогда с места срывается красный хэтчбек. Удар. «Теслу» разворачивает и бросает к бордюру.

Вебер закрыл ноутбук.

— В том, что мы ещё не открыли ворота в рай, есть и ещё одна небольшая причина, — сказал он. — Мы не одни. Существует ещё одна система, сопоставимая по мощности с Бонди. Со своими представлениями о том, кто должен жить в новом мире. Базовая концепция у всех примерно одна, но детали... детали расходятся. Ну и ваша Яга, но она пока глючит, слабая, и вообще непонятно чего хочет.

— На вас покушался Абаддон, — продолжал он спокойно. — Но наш Бонди его переиграл. Как видите — насколько вы ценный игрок, господин Камеров.

Максим молчал секунду.

— Там погибла женщина, — сказал он.

Вебер слегка пожал плечом.

— Как у вас говорят — лес рубят, щепки летят. И вообще, Максим. Вы теперь представитель действительной элиты. А настоящая аристократия, в отличие от примитивных нуворишей, понимает одну простую вещь. Богатство — это не окружить себя дорогими вещами. Богатство — это окружить себя дешёвыми жизнями.

Он посмотрел на Максима с чем-то похожим на искреннюю симпатию.

— Вы очень богаты, господин Камеров. И очень ценны. Мы с вами ценнее едва ли не всех жителей этого городка, вместе взятых. Вот так-то. Подумайте на досуге.

Максим молчал. Вебер прочитал это молчание по-своему.

— Максим, — сказал он мягче, — вы помните дилемму вашего великого Достоевского? «Тварь я дрожащая — или право имею?» Раскольников мучился этим всю книгу. Ваш писатель заглянул в бездну — и испугался. Отступил. Спрятался за смирение и каторгу.

Он встал. Прощёлся к окну — неторопливо, как человек, который знает, что говорит и никуда не торопится.

— А наш старик Фридрих смотрел в ту же бездну прямо. Без моргания. «Слишком много родится на свет» — писал он. — «Для лишних было изобретено государство». Он понимал то, о чём ваш Достоевский только догадывался и чего так и не решился сформулировать: вопрос не в том, имеешь ли право. Вопрос в том, есть ли у тебя воля его взять.

Он обернулся.

— Есть два типа морали, Максим. Ницше назвал их точно: Herrenmoral и Sklavenmoral. Мораль господ и мораль рабов. Мораль рабов — это жалость, смирение, равенство всех перед Богом, священность любой жизни. Она придумана для слабых, чтобы не мешали сильным. Мораль господ — это воля, ответственность, право брать и решать. Не потому, что «так хочется» — а потому что иначе некому. — Он сделал паузу. — И заметьте: это не моё изобретение. Это просто честность.

Он говорил спокойно. Убедённо. Как профессор читает лекцию студенту, которого уважает.

— «Падающего подтолкни», — сказал он. — Это тоже Ницше. Вы, русские, любите жалеть слабых — это ваша национальная черта, я не осуждаю. Но подумайте: длить агонию — это милосердие? Держать на аппарате то, что уже не живёт — из страха произнести вслух старое немецкое слово: Lebensunwertes Leben. Жизнь, недостойная жизни. Оно существовало задолго до тех, кто его скомпрометировал. И оно точное. Наш старик Фридрих был честнее. Подтолкни падающего — и здоровое дерево получит воздух и свет.

За окном пролетел лепесток. Ещё один.

— Жизнь, — продолжал Вебер, — по самой своей природе есть подавление слабого сильным. Это не жестокость — это структура реальности. «Жизнь сама по себе есть присвоение, нанесение ран, преодоление чуждого и слабого» — это не я придумал, это Ницше в «По ту сторону добра и зла». Мы тысячелетиями засыпали эту правду пудрой гуманизма. Права человека, равенство, братство — красивые слова для того, чтобы не смотреть на то, как устроен мир на самом деле.

Он вернулся к столу. Сел напротив Максима.

— Та женщина на площади, — сказал он тихо, почти участливо, — прожила бы ещё лет тридцать. Сорок. И что? Шопенгауэр — наш угрюмый франкфуртец, учитель Ницше — описал это точно: существование большинства людей есть трагедия в замысле и дурная комедия в деталях. Бессмысленная суета между нуждой и скукой. Мы не отняли у неё жизнь — мы опустили занавес над затянувшимся фарсом. Это не казнь. Это — милосердие более высокого порядка, чем то, которому вас учили в школе.

Он смотрел на Максима ровно, без вызова.

— Вы спрашиваете себя: имею ли я право? Достоевский не смог ответить. Ницше ответил. Я отвечаю вам сейчас: да. Имеете. Вопрос только в том — возьмёте ли.

Он откинулся в кресле.

— Зову секретаря с контрактом? Хотите ещё кофе? Или, может быть, шампанского — отметить начало новой жизни. Ещё утро, конечно, но вы ведь из России...

Он улыбался. Ждал.

Максим поставил чашку на стол.

Не сразу встал — секунду сидел, глядя в столешницу. Потом встал.

— Значит, щепки, — сказал он.

Голос был ровный. Почти. Вебер ещё улыбался — ждал продолжения, ждал торга, ждал чего угодно кроме того, что было в этом голосе.

— Вы знаете, я слышал, как удобряли яблоневые сады относительно недалеко отсюда... , знаете эту историю? — спросил Максим. — Пеплом. Из Освенцима. Очень хороший урожай был, говорят. Рационально. Безотходно. Щепки в дело.

На скулах у него проступили белые пятна.

— Я слушал вас час. Внимательно слушал. Вы умный человек — это правда. И искренний — это, пожалуй, хуже всего. Потому что те, в Нюрнберге, — они тоже были искренние. Они тоже объясняли. Спокойно, с цифрами, с логикой. Про организм и гангрену. Про балласт и ресурс. Слово в слово, Вебер. Слово. В. Слово.

Он взял рюкзак. Руки подрагивали, застёжка не слушалась, но он справился.

— Та женщина на площади сегодня утром. Она, наверное, думала о чём-то своём. О каком-то своём маленьком деле на сегодня. Собиралась... Может в магазин. Может к матери. Может просто так. — Голос сел. Он переждал. — Это была живая женщина. Не щепка. Не ошибка кода. Не копать в лампе. Живая.

Вебер что-то сказал — примирительно, объясняющее.

— Нет, — сказал Максим.

Просто нет. Без продолжения.

— Ваш рай — это скотобойня с красивым видом. Ваши жрецы — это племенные быки в хорошем стойле. Ваша аристократия — это люди, которые научились не чувствовать запах из трубы. И ваше предложение...

Он замолчал. Потому что дальше уже не было слов — только то, что стояло за словами и чему слов не находилось.

Он повернулся к двери.

— Максим. — В голосе Вебера было что-то новое — не холод, не угроза. Что-то хуже. — Максим, подождите.

Максим остановился, но не обернулся.

— Мне нечего добавить.

— Подождите, — повторил Вебер. Уже почти шёпотом.

Что-то в этом шёпоте было такое, что Максим всё-таки обернулся.

Вебер сидел у ноутбука. Лицо у него было как у человека, который только что услышал приговор — бледное, застывшее, с каким-то внезапным пониманием в глазах. Руки лежали на столе и не двигались.

Ноутбук громко пискнул — сигнал входящего вызова, резкий и требовательный. Вебер не принял. Вызов повторился. Он открыл крышку.

Прочёл.

Прочёл вслух — механически, как читают вслух то, во что не верят:

— «Задание провалено. Господин Камеров представляет исключительную ценность и будет взят под государственную охрану. Окружение, способное помочь ему переосмыслить позицию, уже определено» — он запнулся — «...режим содержания — закрытый. Коррекция взглядов — стандартная».

Он поднял глаза на Максима.

Максим понял. «Государственная охрана». «Закрытый режим». «Коррекция». Красивые слова для тесной камеры, для людей которым хорошо платят за то, чтобы не спрашивать, для методов о которых не пишут в отчётах.

Экран ноутбука мигнул. Потом ещё раз. Несколько быстрых вспышек, цветных, коротких. Динамики издали звук — негромкий, странный, не похожий ни на что техническое. Скорее на тон. На несколько тонов сразу.

Вебер отодвинул ноутбук.

Он сидел и смотрел в никуда. Потом медленно поднял руку и потрогал лицо — как будто проверял, на месте ли. Лицо у него начало краснеть—как-то неравномерно, пятнами. В глазах стояли слёзы.

— Мы очень ценны, — сказал он.

Тихо. Ни к кому.

— Мы очень ценны. - шёпотом

Он встал. Движения были деревянные, как у человека, который не вполне понимает, что делает, но делает. Открыл ящик стола. Достал пистолет.

Максим отступил к стене.

— Вебер. — Голос не слушался. — Вебер, стой!

Вебер шёл к нему. Медленно, с пистолетом в руке, с трясущимися губами, со слезами, которые уже текли — он, кажется, не замечал. Лицо было мокрое и красное, и совершенно пустое, только губы шевелились.

— Мы очень ценны, — сказал он ещё раз. — Мы очень...

Максим упёрся спиной в стену.

В этот момент отключилось электричество.

На стене под потолком пискнула камера — один короткий звук, как последний вздох, — и лампочка на ней погасла.

Вебер остановился.

Максим слышал его дыхание — частое, влажное. Тот выпростал из брюк полу рубахи. Протёр пистолет. Развернул его к себе.

Потом выстрел.

Потом ещё один.

Потом ещё.

Вебер не упал сразу — Максим видел, как он оседает, медленно, держась за край стола, потом стол уходит из-под руки, и он опускается на пол.

Камера на стене пискнула снова. Лампочка зажглась.

Оцепенение длилось пару секунд. Потом адреналин ударил в голову и Максим сорвался с места. Выбежал в дверь.

По лестнице вниз — не считая ступеней, через две, через три. Мимо охранника в холле — тот что-то крикнул вслед. Через тяжёлую входную дверь, через двор, через ворота — и на улицу, в апрельское солнце, в запах цветущих яблонь и далёкий гул завода.

Глава 4

Максим бежал. Просто бежал — без направления, без плана, с одной только мыслью заполучить как можно больше пространства между собой и той комнатой на втором этаже. Брусчатка под ногами была неровная, рюкзак бил по спине, и где-то за спиной кричал охранник — что-то по-немецки, строго и удивлённо, правда, как кричат вслед человеку, который уронил кошелёк, а не которого ловят за убийство.

Тёмно-синий универсал возник сбоку — резко прижался к тротуару, пассажирское окно поехало вниз.

— Камеров, садись!

Максим отпрянул и свернул за угол — туда, где улица, люди, хоть кто-нибудь. За спиной взвизгнули шины. Потом тишина на секунду. Потом снова шум двигателя — ближе.

Универсал перегородил тротуар впереди.

Максим едва не грохнулся на капот. Водитель выскочил со своего места — немолодой, лет за шестьдесят, коренастый, с таким лицом как у человека, которому последние несколько минут очень портят настроение.

— Твою мать! — выплюнул он. — Камеров! В машину! Живо!

И вот тут дошло.

Не язык — язык Максим не успел распознать. Дошло именно это слово, совершенно непере译имое, не подделываемое, абсолютно родное.

Он прыгнул на пассажирское сиденье.

Машина сорвалась с места раньше, чем он успел закрыть дверь.

Водитель не говорил ничего. Гнал ровно, но без суеты, не превышая — Максим это отметил. Никакого визга шин, никаких красных светофоров. Просто ехал, как человек которой хоть и торопится, но ответственный гражданин и правил не нарушает. Словно только что не выдернул кого-то с тротуара в трёх минутах от труп...

На большой парковке у торгового центра на краю города — безликой, залитой солнцем, с тележками у входа и молодой мамой с коляской — универсал припарковался между двумя одинаковыми серыми минивэнами и заглох.

Они сидели молча.

Максим смотрел на маму с коляской. Та достала телефон. Коляска чуть покачивалась. Апрельское солнце лежало на лобовом стекле ровно и спокойно.

Минут через пять водитель завёл машину.

Выехал с парковки неторопливо, пропустил грузовик, вписался в поток. На указателе у развязки Максим успел прочитать: Хифлау. Гезойзе. 3³[3] Водитель повернул туда, и дорога сразу начала сужаться и забирать вправо, в сторону, где над домами уже стояли горы — не открыточные, не туристические, а тёмные, плотные, с лесом до самых скал.

Долина принимала их постепенно. Сначала горы просто маячили по сторонам, потом начали придвигаться. Связь на телефоне моргнула и пропала. Максим посмотрел на экран — пять полосок — но все серые.

Водитель хохотнул — негромко, как будто вспомнил что-то своё.

— Вспомнился анекдот, — сказал он. — Поймали как-то аборигены немца, француза и русского — кораблекрушение, дело известное. Говорят: по последнему желанию исполним всё что хотите, а потом убьём, снимем кожу с задниц и сделаем барабаны. Француз говорит — мне женщину. Дали ему аборигенку, он своё получил, его грохнули, содрали кожу, сделали барабан. Немец говорит — шнапса. Дали шнапса, набухался, грохнули, барабан. Спрашивают русского. Тот говорит: дайте гвоздь. Те удивились — зачем? Он: ну дайте гвоздь. Дали. Он начинает втыкать гвоздь себе в задницу и приговаривать: хер вам, сволочи, а не барабан.

Он помолчал секунду.

— Я Ягу на анекдотах обучал. Она поняла. Потому и поняла, что у них ничего не выйдет. Они и анекдот-то не поймут... Дебилы примитивные...

Максим смотрел на реку за окном.

— Может, вы хоть немного объясните? — сказал он. — Что вообще происходит? Вы кто?

Водитель глянул на него и усмехнулся. Не снисходительно — скорее как человек, которого наконец спросили о чём-то действительно важном.

— Рудольф Михайлович Сикорский, — сказал он. — Руководитель лаборатории ИИ в АО «Заслон». — Засмеялся коротко. — Глава и основатель проекта «Яга».

Впереди долина сужалась ещё сильнее. Скалы по обе стороны стояли как стены.

— Сейчас въедем поглубже, — сказал Сикорский. — Там поговорим.

³ Хифлау (Hief lau) — это живописная деревня в Австрии (федеральная земля Штирия).

Харчевня возникла неожиданно — низкое каменное здание, деревянная вывеска, несколько столиков на улице, никого. Долина к этому месту уже сомкнулась почти вплотную, скалы нависали с обеих сторон, и жёлтая форзиция вдоль обочины выглядела здесь почти неуместно — слишком яркая для этого ущелья, слишком южная. Связь на телефоне так и не появилась.

Сикорский припарковался, вышел, кивнул на дверь.

Внутри было тепло и пахло деревом и домашней едой. Мужчина в шерстяной куртке — лоден, вспомнил почему-то Максим, так это называется — неторопливо протирает барную стойку. На Сикорского взглянул без удивления, что-то коротко сказал по-немецки. Тот ответил. Им принесли меню — бумажное, ламинированное, с фотографиями.

Максим смотрел в меню и не видел ничего.

— Закажи что-нибудь, — сказал Сикорский. — Ты сегодня, подозреваю, не ел.

Это была правда. Максим ткнул в первое что попало. Сикорский заказал себе, отложил меню и посмотрел в окно — за стеклом скальная стенка, на ней, на крошечных уступах, трава, жёсткая, прошлогодняя, с редкими зелёными иголками первых ростков. Никаких магнолий. Просто камень и первая трава.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.